

— ФАНТАСТИКА —
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

КРИСТОФЕР ПРИСТ

АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИЯ



Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
П77

Серия «Фантастика: классика и современность»
Christopher Priest
AN AMERICAN STORY

Перевод с английского Т. Бушуевой, А. Бушуева
Художник В. Половцев

Печатается с разрешения автора и литературного агентства
Intercontinental Literary Agency Ltd.

Прист, Кристофер.

П77 Американская история : [роман] / Кристофер Прист ; [перевод с английского Т. Бушуевой, А. Бушуева]. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 384 с. — (Фантастика: классика и современность).

ISBN 978-5-17-133169-6

В жизни независимого шотландского журналиста и телесценариста Бенджамина Мэтсона трагическое событие 11 сентября 2001 года оставило незаживающую рану — в одном из самолетов, врезавшихся в башни-близнецы, летела его невеста. Прошли годы, Мэтсон счастливо женат и занимается любимой работой, но тот давний кошмар по-прежнему не отпускает его, и Мэтсон начинает собственное расследование, то и дело натываясь на противоречащие друг другу факты, вопиющее манипулирование общественным мнением. Научное интервью с русским математиком, работающим на частную компанию, и странная находка в заливе Делавэр только подливают масла в огонь его гнева.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© Christopher Priest, 2018
© Перевод. Т. Бушуева, 2021
© Издание на русском языке AST Publishers,
2023

ISBN 978-5-17-133169-6

Посвящается Дону Гринбергу

В тех редких случаях, когда историческое событие, особенно событие травмирующее, вызывает огромный шквал эмоций, затрагивает многие миллионы людей, оно проникает в массовую культуру. У огромного количества людей вскоре формируются представления о том, что произошло и почему, создавая исторический нарратив. Значение этих представлений трудно переоценить. Люди вновь и вновь будут пытаться разобраться в событиях, которые плохо вписываются в их предыдущее понимание того, как устроен мир.

Филип Зеликов

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Тогда: 2000 г.

Нью-Йорк — история

— Вот история, — сказала она мне. — Вероятно, это не то, чего ты ожидал. Хочешь, я тебе ее прочитаю?

Она держала информационный листок, который только что извлекла из своего почтового ящика в вестибюле многоквартирного дома. Отправлен он был из офиса общества сохранения исторического наследия в Эдинбурге, Шотландия.

— Давай, — сказал я.

Я все еще пил свою первую чашку кофе. Для любых историй было еще слишком рано, но Лил сидела напротив меня с довольным видом и явно желала, чтобы я ее выслушал.

— Я опущу то, что не кажется интересным. Вот что тут говорится: «Здание было построено как викторианский дом в 1855 году для человека по имени Джон Смит». Неужели его так и звали? Джон Смит? Это ведь как Джон Доу, тебе не кажется?

«Дом тогда назывался Суонстонхилл. К нему прилегало обширное поместье, включавшее леса и луга, а сам он стоял на возвышенности с видом на деревню Порт-Баннатэйн на острове Бьют. Оттуда открывался панорамный вид на север, на так называемый Кайлс,

узкую полосу моря, отделяющую остров от полуострова Коуэл».

Мы находились в тысячах миль от Шотландии, сидя в ее уютно неопрятной квартирке на тринадцатом этаже 104-й Ист-стрит в Нью-Йорке. Единственное окно в комнате выходило на другие окна на той же высоте в многоквартирном доме напротив. Солнце заглядывало в ее комнату лишь раз в день, около пяти часов пополудни, примерно на двадцать минут.

— «В начале 1870-х годов в западной части поместья был обнаружен природный источник. Вода была богата минералами и целебными солями».

Она взгляделась в небольшую карту, включенную в текст, и продолжила с жуткой имитацией английского акцента, который почти сразу же сменила на еще более жуткий шотландский:

— «Начались строительные работы по возведению к первоначальному зданию огромной пристройки, протянувшейся вдоль возвышенности в западном направлении.

Были добавлены флигели, в частности один в западном конце, который был построен как павильон для источника. В тот период водные отели были весьма популярны по всей Европе. Богачи стекались отовсюду, чтобы освежить телесную энергию и обрести всестороннее душевное здоровье, пили воду или купались в ней».

Она быстро подняла страницу и показала мне снимок — черно-белую, слегка не в фокусе, репродукцию старинной открытки. На ней был виден ряд небольших коттеджей, выстроившихся на длинном склоне холма. Здание, о котором она говорила, маячило на холме позади них — типичный викторианский особняк, с острыми крышами, коньками и шпилями, с витражными окнами. Повсюду росли деревья.

— «Новая пристройка к зданию, — продолжила она, отказавшись от дурацких фальшивых акцентов, — включала бювет, бассейн для водных процедур, парные бани, а также зоны для физических упражнений и массажа. Центральная часть пристройки была возведена как роскошный отель на восемьдесят восемь номеров со множеством салонов и гостиных. Все главные спальни выходили окнами на север — комнаты поменьше были расположены в дальней части отеля. В них размещалась прислуга гостей». — Лил опустила газетный лист. — Вы, британцы, все еще берете с собой в отпуск свою прислугу?

— Раньше — да, — сказал я. — Но я был вынужден уволить большую часть своей. Сейчас у меня всего пара лакеев и горничная. И, конечно же, повар.

Она между тем продолжила:

— «В июне 1879 года здание вновь открылось под названием «Кайлская водолечебница». Вскоре она уже успешно функционировала, став роскошным курортом для фабрикантов, знаменитых юристов, преуспевающих розничных торговцев и прочих толстосумов из процветающего промышленного пояса Центральной Шотландии, а также привлекала важных гостей из Англии и некоторых стран Европы». Почему мне не нравятся все эти люди?

— Необязательно, чтобы они тебе нравились, — ответил я. — Теперь они все мертвы.

— «В свободное от водных процедур время гостям курорта были доступны разнообразные развлечения. Здесь имелись теннисные корты, лужайка для игры в крокет, поле для гольфа на девять лунок, бассейн и обширные сады. Гостям также предлагались пешие прогулки и катание на пони по дикой местности во внутренней части острова. За кухню отвечали луч-

шие повара Европы, а обслуживание прочего в остальной части отеля неизменно удостаивалось высочайшей оценки».

Окей, дальше становится еще интереснее. «Водная лечебница функционировала до начала Первой мировой войны, когда была вынуждена закрыться. Она вновь открылась после войны, но уже в более скромных масштабах. Хотя минеральные источники оставались доступны, отель теперь функционировал в более привычном современном стиле.

С началом в 1939 году Второй мировой войны отель вновь пришлось закрыть. Он был реквизирован Королевским военно-морским флотом, и здание стало официально называться «Корабль Королевского ВМФ «Варбель»». Они превратили гостиницу в корабль?

— Так принято в ВМФ, — сказал я. — Они называют свои наземные сооружения как корабли.

— «Базируясь в «Варбеле», солдаты Королевского ВМФ на протяжении всей войны служили доблестно и храбро. В основном они управляли мини-субмаринами и двухместными торпедами. Их самым громким успехом были атаки на немецкий линкор «Тирпиц» в Альта-фьорде в Норвегии».

Она перевернула лист и, пропустив несколько строк, продолжила:

— «В конце войны флот вернул здание отеля законным владельцам. Военные оставили его в безупречном состоянии, чистым и неповрежденным, но по причине почтенного возраста здания и того факта, что во время войны было невозможно провести его ремонт, водолечебница стала непригодна для использования в качестве отеля. Стоимость ремонтных работ была так высока, что здание не использовалось. Таково его нынешнее состояние. Оно все еще на своем преж-

нем месте, но никем не используется». Превосходно! Мы можем им воспользоваться!

— Что в этом превосходного? И как ты получила эту информацию?

— Я запросила ее и получила ответ. Мы ищем уютное старое место для проведения конвента в следующем году. Мы думали, что шотландский замок был бы идеальным вариантом, но это звучит даже круче.

— О да, — согласился я.

Ее звали Лил, и я был влюблен в нее. Ей было чуть за тридцать, она работала в крупной издательской корпорации в Нью-Йорке, но иногда ей хотелось как следует оттянуться, и тогда она и ее друзья из издательской тусовки проводили длинные выходные на разного рода конвентах. Я прекрасно знал, какие конвенты она обожает посещать. Она хотела, чтобы я составил ей компанию на следующем.

Увы, этому не суждено было случиться — меньше чем через год Лил не станет.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Сейчас

Двое людей, которых я знал

Внезапно на меня нахлынули воспоминания о двух людях, которых я когда-то знал. Одно — с периферии моей жизни, другое — из глубин моего сердца. Между ними не наблюдалось прямой связи, по крайней мере, таковая была мне неизвестна. Просто я знал их обоих, но известие о том, что один из них умер, необъяснимо напомнило мне о смерти другого.

Я проснулся с чувством умиротворения. Я был в своей постели один — моя спутница жизни Жанна в отъезде, и ее не будет еще три дня. В доме в кои-то веки царила тишина — Жанна взяла с собой двух наших маленьких сыновей. Отсутствовал обычный фоновый домашний хаос, возникавший всякий раз, когда мальчишек заставляли вставать с постели и уговаривали одеться. Это был вечный стук тарелок во время завтрака, метания по дому в поисках забытых вещей, крики — и так продолжалось до тех пор, пока наконец двери не захлопывались.

Когда Жанна уезжала, я спал с незадернутыми шторами ради вида на залив. Жанна жаловалась, что утренний свет будил ее слишком рано, я же любил перевернуться на бок и смотреть на спокойные воды, где к материку, пыхтя, шел первый паром. Этим утром

светило солнце, и по ту сторону залива горы Аргайла возвышались темно-зелеными громадами.

Радио всю ночь было включено на малую громкость, но я увеличил ее, чтобы послушать новости.

Где-то в середине выпуска диктор сообщил о смерти Кирилла Алексеевича Татарова, математика российского происхождения. Это известие неожиданно тронуло меня. Хотя я встречался с Татаровым всего пару раз, это был великий человек, и моя встреча с ним состоялась в то время, когда на это было практически невозможно рассчитывать. Это был сложный, противоречивый человек, умный вне шкалы человеческого разума, ибо для его типа ума такой шкалы не существовало, но в то же время странный и, как все гении, не чуждый человеческих слабостей. Дважды он проявил по отношению ко мне маленькую и непрошеную доброту.

Думая о нем, я ждал, когда за заголовком последует вся история. Включился репортер и хорошим слогом, очень точно поведал о Татарове: блестящий теоретик, геометр и тополог, лауреат Филдсовской медали и премии Института Клэя, родился в Советском Союзе в 1932 году, но еще маленьким ребенком был вынужден с семьей покинуть СССР и переехать в США. Его отец служил статистиком, мать работала учительницей в школе. Большую часть своей взрослой жизни Татаров проработал в американском университете. Его уникальная карьера и достижения в значительной степени оставались почти не известны за пределами закрытого интеллектуального мирка, в котором он добился немалых успехов.

Разумеется, было упомянуто и сенсационное, необъяснимое исчезновение Татарова в 2006 году. Это было нечто совершенно для него не характерное и од-

но из немногих событий его жизни, которые стали известны всему миру. В то время эту загадку освещали средства массовой информации по обе стороны Атлантики. Многие из выдвинутых версий его исчезновения были непристойными и неуместными: слухи о роковой женщине, обмен секретами с бывшим агентом КГБ, заговор с целью его похищения и вывоза обратно в Россию и так далее. Ничто из этого не было правдой, но его исчезновение так и не получило своего объяснения.

Тревогу подняли, когда однажды он не явился на семинар в Курантовском институте математических наук в Нью-Йорке. Он ничего не говорил ни о каких планах путешествий, его университетская квартира была заперта, он не оставил никаких записок или объяснений. Из-за политических потрясений в тогдашней России ходили слухи, что он похищен КГБ или ФСБ. Из Москвы не поступило никаких опровержений, что какое-то время поддерживало версию его похищения, но, с другой стороны, его не выставили напоказ перед прессой как перебежчика с Запада. Если это и произошло, то время для этого было выбрано странное, спустя годы после распада Советского Союза. Как будто с тем, чтобы все окончательно запутать, ФБР обнародовало купленный через компьютер авиабилет на рейс в день его исчезновения. В билете было указано, что Татаров вылетел из аэропорта Джона Кеннеди в Нью-Йорке в лондонский аэропорт Хитроу с последующим рейсом в Глазго. Эта часть загадки так и не была окончательно раскрыта, хотя репортер «Нью-Йорк таймс» позже проследил код билета до другого пассажира, купившего билет на тот же рейс. Этот человек никак не был связан с Татаровым, но в тот день он не явился в аэропорт.

Через несколько недель Татаров тихо вновь появился в Курантовском институте, ничего не сказав и ничего не объяснив, и вернулся к своей работе.

Вскоре после этого инцидента был снят художественный фильм. Фильм был так себе, слабенький. О нем вскоре забыли, но главная роль в нем предназначалась знаменитому актеру, и поэтому фильм принес мне дополнительные деньги. Поскольку я написал сценарий, на мне лежала частичная ответственность за то, что фильм получился откровенно слабым. До этого я никогда не работал для кино и с тех пор больше ни разу не писал ничего подобного. Меня наняли для написания сценария потому, что я опубликовал в журнале несколько статей о Татарове, которые составляли почти всю известную о нем на тот момент информацию. Продюсер не должен был знать, а я хотел, чтобы он никогда не узнал, что мне известна истинная история исчезновения Татарова. Однако я был связан обещанием хранить молчание.

Я познакомился с Кириллом Татаровым на встрече, которая длилась меньше часа, однажды днем, когда он согласился дать мне интервью. Было это в 1996 году. Я был тогда молодым журналистом, а Татаров — штатным профессором Института Куранта в Нью-Йорке, представительным мужчиной за шестьдесят.

Встреча оказалась непростой — как можно подготовиться к беседе с гением? Я облажался. Он полагал, что я знаю математику лучше, чем то было на самом деле. Его манера речи была весьма пространной и изобиловала упоминаниями о вещах, о которых я не имел ни малейшего понятия. Он говорил быстро, откинувшись на спинку стула, закрыв или полузакрыв глаза. Поток слов неудержимо лился в течение нескольких минут, а затем резко, без предупреждения